

УДК 82.01

DOI: 10.26907/2782-4756-2025-81-3-79-86

ПУТЕВОЙ ОЧЕРК Ю.Н. ВОРОНОВА «ПОЛГОДА В КОЛУМБИИ»: ТВОРЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ, ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ, ПОЭТИКА ЖАНРА

© Ринат Бекметов

YU. VORONOV'S TRAVEL ESSAY "SIX MONTHS IN COLOMBIA": CREATIVE HISTORY, IDEOLOGICAL CONTEXT, AND POETICS OF GENRE

Rinat Bekmetov

Yuri Voronov (1874–1931) was a Russian botanist, the author of numerous scientific works on the systematics of the flora in the Caucasus and other parts of the world. In 1926, he organized the first Soviet expedition to South America to study the vegetation cover of this part of the land. Colombia, a country located in the North–West of the South American continent, attracted special attention of the researcher. He described this trip in a fascinating way in a short travel essay called “Six Months in Colombia”. The essay was published as a separate brochure in 1929, an appendix to the journal “Bulletin of Knowledge” and was released by publisher P. Soykin in a special series “Nature and People”. Once published, Yu. Voronov’s book has long been a bibliographic rarity, a most valuable publication. Telling its readers about the nature of Colombia, its cultural attractions, the people living there, their psychology, everyday habits, ethnic customs and religious beliefs, it is not only a popular science and educational work, but also the one revealing a literary element that deserves attention and study. It manifests itself in the totality of those description qualities that are associated with the concept of a “narrative subject”. In addition, of interest is the language (style) of the work, its structure (the plot and compositional scheme), as well as the genre form, whose main, core component is the “impression” of what was seen, the internally integral “sketch” of the things observed in a thoughtfully unified movement of the plot line. In other words, the essay by Yu. Voronov is located at the intersection of two image planes – documentary and fictional. The text of the scientist fits quite organically into the literary and genre canon of the past eras. At the same time, Yu. Voronov’s essay bears traces of the ideological views of the 1920s, according to which the social world is divided into “exploiters” and “the exploited”, “the poor” and “the rich”, and there is practically no connection between them (the country’s working population deserves a better fate than the one they have).

Keywords: Yu. Voronov, Latin America, Soviet botanical expedition, “Six Months in Colombia”, travel essay, ideological context, genre poetics.

Юрий Николаевич Воронов (1874–1931) – российский ботаник, автор многочисленных научных трудов по систематике флоры Кавказа и других уголков земли. В 1926 году он организовал первую советскую экспедицию в Южную Америку с целью изучения растительного покрова этой части суши. Особенное внимание привлекла исследователя Колумбия – страна, расположенная на северо-западе южноамериканского континента. О поездке туда он увлекательно рассказал в небольшом путевом очерке под названием «Полгода в Колумбии». Отдельной брошюрой очерк был опубликован в 1929 году в качестве приложения к журналу «Вестник знания». Приложение выпускалось издателем П. П. Сойкиным в специальной серии «Природа и люди». Единоразово изданная, книга Ю. Н. Воронова давно стала библиографической редкостью, ценнейшим публикационным раритетом. Повествуя о природе Колумбии, ее культурных достопримечательностях, людях, живущих в ней, их психологии, бытовых привычках, этнических обычаях и религиозных представлениях, она является не только научно-популярной, просветительской. В ней обнаруживается и литературный элемент, заслуживающий внимания и изучения. Он проявляет себя в совокупности тех качеств описания, которые связаны с понятием «нарративного субъекта». Кроме того, вызывает интерес язык (стиль) произведения, его структура (сюжетно-композиционная схема), а также жанровая форма, главным, стержневым компонентом которой служит «впечатление» от увиденного, внутренне цельная «зарисовка» наблюдаемого в продуманно-едином движении фабульной линии. Иными словами, очерк Ю. Н. Воронова располагается на пересечении двух планов

изображения – документального и художественного. Текст ученого вполне органично вписывается в литературно-жанровый канон прошлых эпох. Вместе с тем вороновский очерк несет следы идеологических воззрений 1920-х годов, в соответствии с которыми социальный мир делится на «эксплуатирующих» и «эксплуатируемых», «бедных» и «богатых» и связь между ними практически отсутствует (трудовое население страны достойно лучшей судьбы, чем та, которая у них имеется).

Ключевые слова: Ю. Н. Воронов, Латинская Америка, советская ботаническая экспедиция, «Полгода в Колумбии», путевой очерк, идеологический контекст, жанровая поэтика.

Для цитирования: Бекметов Р. Путевой очерк Ю. Н. Воронова «Полгода в Колумбии»: творческая история, идеологический контекст, поэтика жанра // Филология и культура. Philology and Culture. 2025. № 3 (81). С. 79–86. DOI: 10.26907/2782-4756-2025-81-3-79-86

Имя Юрия Николаевича Воронова широкой читательской публике неизвестно. Не знают о нем и литературоведы. Единственная наиболее полная и целостная биографическая справка об этом человеке была опубликована в 1981 г.: именно тогда в серии «Научно-биографическая литература» издательства «Наука» во многом благодаря усилиям его внука (полного тезки своего деда) была издана небольшая, но чрезвычайно информативная монография, посвященная жизни и творчеству Воронова [1]. С тех пор фактически, за редким исключением, о нем столь системно никто не писал. Такая неизвестность в литературоведческой среде имеет свои основания. Они обусловлены родом профессиональной деятельности Воронова. Юрий Николаевич Воронов – российский ботаник, автор многочисленных трудов по систематике флоры Земли. На первый взгляд, это никак не связано с литературным творчеством. Однако подобного рода «логический» вывод не совсем правилен. Попробуем доказать это, но начнем вкратце (для общего предваряющего ознакомления) с биографии Воронова.

Он родился в июне 1874 г. в Тифлисе. Семья была туда, на Кавказ, сослана по причине участия отца Воронова, Николая Ильича, журналиста, этнографа и педагога, в деятельности запрещенного общества «Земля и Воля». Воронов учился в Кутаисской гимназии, которую окончил с отличием, рано обнаружив незаурядные способности. В школьные годы он увлекался зоологией, энтомологией, собирал гербарии. В середине 1890-х гг., успешно сдав экзамены, поступил на отделение естественных наук физико-математического факультета Новороссийского университета (г. Одесса). Слушая там лекции, посещая библиотеки (в том числе Одесскую городскую публичную библиотеку, богатую печатными фондами), он, как талантливый человек его возраста в те годы, пробовал себя и на литературно-художественном поприще – писал стихи и

даже пьесу¹, попутно осваивая украинский язык. Через два года после обучения в Новороссии он перевелся в Московский Императорский университет, а затем продолжил образование за рубежом, во Франции, в городке Монпелье, который считался центром французской науки о растениях (там, в мягких климатических условиях, позволявших развиваться виноградарству, находился один из главных и роскошных ботанических садов Европы). По возвращении в Россию он смог устроиться научным сотрудником в Петербургском Лесном институте. Живя в столице, Воронов принимал участие в переписи населения 1900 г.², а затем после защиты диссертации тру-

¹ Ничего более конкретного о поэтическом и драматургическом опытах в указанной нами биографической книге не сказано. Можно предположить, что они, будучи рукописными, не сохранились; каких-либо последовательных историко-архивных разысканий в этом направлении, насколько мы можем судить, не проводилось.

² В письме от декабря 1900 г. он так характеризовал свое душевное состояние в связи с работой в переписной комиссии: «Какая масса впечатлений и впечатлений, после которых обо многом поразмыслишь, попризадуматься. Сколько нищеты и грязи, сколько тьмы и невежества, горя, страданий...» (цит. по: [1, с. 19]). Ассоциативный фон этих строк – чеховский. Известно, как изменился А. П. Чехов после посещения им Сахалина в 1890 г., когда он собственными глазами увидел нищую и безрадостную русскую жизнь на «краю мира». С каждым днем он убеждался в том, что «многое в прочитанных им книгах и отчетах, статьях и брошюрах <о Сахалине. – Р. Б.> не имело ничего общего с реальностью» [2, с. 232]. Гнетущее впечатление произвел на писателя Сахалин с его тоской, беспризорностью, голодом, наказаниями; как итог – печальная фраза (с ярким неологизмом): «а ведь кажется – все <в России. – Р. Б.> просахалинено». Не будет ошибкой сказать, что Воронов и был русским интеллигентом чеховского типа – умным, образованным, мягким, добросердечным, с обостренным чувством справедливости, рефлексивным, но при этом, в отличие от классического типажа, описанного в произведениях Чехова, значительно более деятельным, активным, желающим и умеющим претворять

дился в Петербургском университете и оттуда в начале XX в. совершил десятидневное путешествие по Кавказу и Персии, занимаясь там сбором новых и редких, еще не описанных видов растений. Потом в разное время он работал в Сухумском ботаническом саду, в Главном управлении земледелия и землеустройства на Черноморском побережье, в Кавказском музее, в Тифлисском ботаническом саду, формировал гербарные коллекции, писал и публиковал огромное количество статей (ныне они систематизированы, в сумме около 240 наименований) – словом, вел полноценную научно-творческую деятельность. В 1903 г. Воронов совершил трудную поездку в Монголию – сначала в составе экспедиции, после – по самостоятельному маршруту, о чем оставил сообщение в «Известиях Русского географического общества». В 1908 г. он посетил уезды Эриванской губернии, в 1911 г. – Карабах и Батумскую область, в 1913 г. – Грузию, в 1915 г. – Азербайджан и т. д.; везде, где бы ни был, он аккуратно собирал ботаническую и даже зоологическую коллекции.

Уже при советской власти, в 1925 г., его с учетом заслуг назначили на должность консерватора (хранителя) Главного ботанического сада в Ленинграде и ученого специалиста в Институте опытной агрономии. В этом же году его направили в Америку для налаживания профессиональных контактов: он посетил США, Кубу, Мексику, привез оттуда действительно уникальный флористический материал.

Для нашей темы важнее другой факт. В 1926 г. Воронов организовал первую советскую научную экспедицию в Южную Америку с целью изучения растительного покрова этой субтропической части суши. Особенное внимание его привлекла Колумбия, которую он с другими участниками экспедиции прошел от берега Карибского моря до границы с Эквадором. Более всего Воронова интересовали каучуковые растения в прикладных целях, как основа для производства множества необходимых вещей, от автомобильных шин и покрышек до обуви и одежды. Колумбия (наряду с Мексикой) являла собой крупный регион произрастания каучуконосных видов растений типа *sapium*³. Местные газеты писали об этой экспедиции, подчеркивая не

столько ее научные цели, сколько политические задачи по установлению межгосударственных отношений между СССР и Колумбией. Вернувшись из Южной Америки в Советский Союз, Воронов устроился в Институт прикладной ботаники и новых культур (г. Ленинград), продолжая активно сотрудничать с коллегами по научному цеху и, в частности, с Н. И. Вавиловым (1887–1943), чей закон гомологических рядов в изменчивой наследственности он полностью разделял⁴. Главным детищем Воронова должен был стать сводный труд «Флора Абхазии» – итог многолетних исследований. Однако в декабре 1931 г. Воронов умер от кровоизлияния в мозг. Его ученики пытались собрать воедино почти готовый к изданию текстовый материал, но от вдовы ученого, жившей в Ленинграде, они сумели получить лишь разрозненные машинописные копии работы с правками и дополнениями; полномочный же рукописный подлинник со смертью жены Воронова в апреле 1942 г. в блокадном Ленинграде пропал, так что труд этот так и не увидел света (нет сомнений в том, что выход его из печати мог бы стать значимой вехой в истории российской, да и мировой ботанической науки, ключевым событием академической жизни СССР).

О поездке в Колумбию Воронов рассказал в очерке под названием «Полгода в Колумбии».

Отдельной брошюрой этот очерк был опубликован в 1929 г. в качестве приложения к журналу «Вестник знания» [3]. Приложение выпускалось Петром Петровичем Сойкиным (1862–1938) в серии «Природа и люди». Известно, что Сойкин, знаменитый для своего времени издатель, имел собственную типографию, которая специализировалась на публикации научно-популярной и естественно-научной литературы; он также был редактором-издателем многих подписных журналов⁵. В 1930 г. типография бы-

⁴ Ошеломляющие гонения и разгром генетики как «буржуазной» науки, «лженауки» произошел несколько позднее, в 1930-е и последующие годы.

⁵ К примеру, еженедельный художественно-литературный журнал начала XX в. «Звезда» – один из проектов Сойкина, так же как и журналы «Русский паломник» (1885–1917), «Природа и люди» (1889–1918), «Книжный мир» (1901–1911), «Сельский хозяин» (1899–1918), «Мир приключений» (1910–1918) и др. (всего было: журналов – 32 наименования, газет – 7 [4]); издавались им книги в серии «Садовая библиотека», справочники («Полный православный богословский энциклопедический словарь» в двух томах), фундаментальные по содержанию охвату и красиво иллюстрированные книги вроде «Жизни животных» А. Брема в трех томах, собрания сочинений русских и зарубежных авторов-классиков (полное собрание сочинений М. Твена в 28 книгах – «за доплату»

мечту в реальность, не боящимся жизни с ее неизбежными трудностями, ср. важное высказывание Воронова о себе в одном из частных писем: «Я могу жить и работать только в условиях полной личной независимости и свободы...» (цит. по: [1, с. 28]).

³ Исследования Воронова касались их возможной пересадки в советских субтропиках, прежде всего в Абхазии.

ла окончательно национализирована (вошла в состав Ленинградского областного издательства), однако в годы НЭПа, годы относительной предпринимательской свободы, Сойкину, человеку с торгово-купеческой жилкой, еще удавалось осуществлять ее работу на паевых началах. В период в 1927 по 1929 г. ежемесячно в специальной серии «Природа и люди» им издавались книги об экспедициях в самые разные уголки мира. Надо сказать, что не все книги этой замечательной по замыслу серии имели глубокое содержание. Были в ней как оригинальные авторские травелоги (очерки Воронова, беллетриста Тана-Богораза⁶; первый выпуск этой серии 1927 г. представлял собой книгу Тана-Богораза «Жертвы дракона», «повесть из жизни первобытных людей», редактор в предисловии аттестовал Богораза в качестве «этнографа-беллетриста»), так и переводные сочинения (книги: Фритьофа Нансена (1861–1930), норвежского полярника, «Среди тюленей и белых медведей», Вильяма Биба (1877–1962), американского мореплавателя и исследователя-натуралиста, «На краю света» (об экспедиции на далекие Галапагосские острова в начале 1920-х гг.) и т.д.). Считается, что Сойкин, издавая эти переводы, на правах редактора самолично вторгался, вмешивался в текст, произвольно менял его, подчиняя по преимуществу критерию объема, выбрасывая ценные фрагменты, оставляя малозначительные. Поэтому переводы этой серии носят искаженный характер, в отличие от оригинальных сочинений на русском языке: тут мнения авторов, разумеется, приходилось учитывать.

Единожды изданная, очерковая книга Воронова о Колумбии давно стала библиографической редкостью, раритетом⁷. Чем она интересна

для литературоведа? Тем, что, повествуя о природе Колумбии, ее достопримечательностях, людях, их психологии, бытовых навыках, этнических традициях и религиозных представлениях, она являет собой не только научно-популярное, просветительское издание. В ней обнаруживается и литературный элемент. Он выражает себя в совокупности тех качеств описания, которые связаны с понятиями «нарративного субъекта», «рецептивного сознания». Вызывает также интерес язык (стиль) произведения, его сюжетно-композиционная линия, жанровая форма, опорным компонентом которой служит слово «впечатление» – «впечатление» от увиденного в далекой стране, субъективно-авторская «зарисовка» наблюдаемого в движении фабульной схемы. Очерк Воронова в итоге располагается на пересечении двух планов – документального и художественного.

В самом деле, книга имеет подзаголовок, который теоретически мог бы отсутствовать, но само его включение симптоматично, носит знаковый характер, как определенная установка на понимание описанного в процессе чтения текста, – «*впечатление участника советской экспедиции в Южную Америку в 1926 году*». В книге тем самым переплетаются авторская рефлексия (точнее, переданная в сдержанной стилистике письма реакция на то, что попало в поле обозрения) с изложениями вполне объективного рода.

Так, в первой главе⁸ рассказывается о появлении группы русских путешественников в Ко-

3 руб. 80 коп., А. Конан-Дойля в 22 книгах «за доплату» 3 руб. 40 коп., как гласило «Подробное иллюстрированное объявление» за 1911 г. (22-ой выпуск издания)) и т. д. и т. п. (всего книг: около 1700 наименований общим тиражом свыше 80 млн. экземпляров [4]), см.: [5], [6]. Следует отметить, что именно в сойкинском журнале «Природа и люди» печатал ранние статьи Я. И. Перельман (1882–1942), автор «Занимательной физики», «Занимательной астрономии», «Занимательной алгебры» и прочих популярных многотиражных трудов; в 1918 г. в этом журнале была издана повесть К. Э. Циолковского (1857–1935) «Вне Земли».

⁶ Под таким псевдонимом публиковался Владимир Германович Богораз (1865–1936), выдающийся лингвист и этнограф, исследователь чукотского и эвенского языков, их диалектов.

⁷ Одним из свидетельств этого может служить то обстоятельство, что в биографии Воронова 1981 г. она не просто пересказывается в основополагающих моментах сюжета, а постоянно цитируется, и приводит-

мые цитаты – большие, развернутые, без купюр: поступая так, авторы исходили из недоступности издания. Приходится удивляться тому, что даже в 1980-е гг., спустя более чем 50 лет, вопрос о переиздании книги не вставал, в противном случае о необходимости этого можно было бы прочесть в тех же юбилейных, посвященных научному наследию Воронова статьях ученых-ботаников или в редких работах исследователей по проблеме советско-колумбийских культурных связей – ни одной оговорки или намека нами не найдено... Обновленная (с вводной статьей и примечаниями) публикация этой книги, размещение ее в электронном виде на сайтах академических учреждений и библиотек, образовательно-просветительских интернет-платформах, в хранилищах отечественных баз данных – актуальная задача нашего дня! Есть забытые писатели, есть и забытые книги; и те и другие нуждаются в возвращении; осуществить его – обязанность, без преувеличения святой долг современных исследователей...

⁸ Книга включает четыре главы («По р[еке] Магдалене от Барранкильи до Боготы», «Богота и ее окрестности», «От Боготы до Амазонской Колумбии», «У индейцев Амазонской Колумбии»), которые вернее было бы именовать «этюдами», но не автономными, по-

лумбии на реке Магдалене. Вначале дается «эскиз» увиденного, фиксируются (в каком-то, можно сказать, почти «торжественном» тоне) наиболее примечательные детали утреннего входа в бухту Картахены, города, расположенного на устье названной реки:

«Рано утром наш пароход входил в бухту Картахены, и с первыми лучами солнца мы бросили якорь на рейде этого исторического города» [3, с. 3].

Наглядная деталь рейда – подростки-ловцы, которые с истошным криком «*мопеу*» («деньги») в резком прыжке ныряли в глубокую и холодную воду, чтобы достать монеты, брошенные пассажирами одного из судов. Этим задается социологический взгляд на происходящее; он найдет свое продолжение в других эпизодах очерка, не отвергая живого «эстетического» отклика наблюдателя, ибо автор с четкостью пишет:

«Ловкость они проявляли поразительную... – все <монеты. – *Р. Б.*> попадали за щеку..., у наиболее счастливых из них <ловцов. – *Р. Б.*> рот вскоре был полон серебра» [Там же, с. 3]⁹.

Если их обобщать, то становится понятно, что для автора Колумбия – прежде всего и в целом бедная страна (правда, к бедности здесь, объясняет Воронов, привыкли: жители – «туземцы», «аборигены» – видят в ней не только безысходность, но и свободу от материального вещиизма, вольность души, сопрягают с ней свободолюбие национального характера). Вместе с тем Богота, столица, которую называют «южноамериканскими Афинами», характеризуется в качестве города социальных контрастов:

«С одной стороны, элегантная, европейски образованная, одетая по последней моде толпа горожан, а с другой – жалкие индейцы или метисы, босоногие или в лучшем случае в кожаных сандалиях с пропу-

щенными между большим пальцем ремешком, рубашках, прикрытых грязною „руаною“ <теплая накидка, которую делают из шерсти альпак, животных семейства верблюжьих, близких к ламам. – *Р. Б.*>, полуголодные и чаще всего полупьяные от „чичи“ (маисовой водки), в которой одной они черпают и силы, и радость тупого забвения» [Там же, с. 16]¹⁰.

В этом надо усмотреть идеологическую позицию автора, не случаен крен в сторону избращения народа, простого человека. Об индейцах Воронов пишет, что они «*религиозны до идолопоклонства и суеверия*» [3, с. 30], но любят свою землю, выносливы, готовы трудиться без усталости, могут обходиться простой, скудной пищей, покорно, безропотно принимают судьбу.

Обратим внимание на то, что эта позиция имеет у Воронова культурно-историческую окраску. На примере Боготы и других городов он отмечает противопоставленность тонкого слоя управленческой элиты (иногда – на высоких этажах иерархии – аристократически рафинированной) и народа. Народ у него – трудовая масса, неустроенная, живущая рядом с вестернизированными управленцами; в этом проявляется история страны, когда-то завоеванной испанскими конкистадорами (белой расой), а теперь относимая к странам «маргинальной» культуры (смешанного, неоднородного типа). Современная вестернизация в трактовке Воронова обладает чертами массовости. Намек на это содержится в описании Барранкильи, города на берегу реки Магдалены:

«Сам город производит впечатление покоя и уюта, мирной патриархальной провинции. Но очень заметно влияние янки..., товары почти все без исключения идут сюда из Соединенных Штатов; отсюда же идет и мода вплоть до жевания резиновой жвачки» [Там же, с. 6].

«Резиновая жвачка» становится в очерке зримым символом распространения западного, американского образа жизни в Колумбии, которая в этом случае причудливо сочетает различные стили существования, от традиционного (в чем-то весьма архаического, примитивного) до современного, современного. Подчеркнем, что, в

сколько они не существуют сами по себе, в изоляции – их скрепляет, цементирует как образ автора, так и единый объект повествования.

⁹ В отвлеченно литературном смысле с сохранением социологической интерпретации сцена с ловцами напоминает начало научно-фантастического романа А. Р. Беляева «Человек-амфибия» (1928): действие у него, как известно, происходит в Аргентине, на шхуне «Медуза»; вспомним, что на ее палубе лежали «*полуголые ловцы жемчуга*» (о них сказано: «*Утомленные работой и горячим солнцем, они ворочались, вздыхали, вскрикивали в тяжелой дремоте. Руки и ноги у них нервно подергивались. Быть может, во сне они видели своих врагов – акул. В эти жаркие безветренные дни люди так уставали, что, окончив лов, не могли даже поднять на палубу лодки*» [7]).

¹⁰ То же – в описании города Пуэрто-Вильчес, в котором «*рядом с туземным поселком* <поселок – „скопление бамбуковых хижин..., обмазанных глиной и побеленных“. – *Р. Б.*> расположился залитый электричеством городок американской нефтепромышленной компании „Троко“. С одной стороны – крытые рифленым железом уютные домики, гладко шоссированные улицы..., с другой – нагромождение жалких лачуг» [3, с. 10].

отличие от типичных советских травелогов, Воронов не дает этому прямолинейную, упрощенную социологическую оценку, его «зарисовки» – не пропагандистская агитка, осуждений, разоблачений, обвинительных реляций и лозунгов мы в них не найдем – только спокойная фиксация с опорой на частное, личное восприятие, хотя это и не исключает того, что отдельные пассажи текста содержат политико-публицистические указания на неверность сложившегося жизненного уклада, на важность позитивных революционных перемен, которые с неизбежностью осуществляются (залог тому – испанские переводы сочинений В. И. Ленина в книжных развалах Колумбии, «левая» идеология рабочего класса, устойчиво нарастающий интерес индейцев к коммунистическому учению [Там же, с. 18]¹¹).

Воронова интересует в Колумбии решительно все – национальная кухня, промышленность, аграрное хозяйство, природа, история, образование, врачебное дело, городская инфраструктура, состояние дорог в горных селениях, способы перемещения грузов по речным каналам. Очерк изобилует множественными наблюдениями, они рассыпаны, как семена, по всему произведению.

Например, ресторан гостиницы Картахены, где остановился автор, напоминает ему *«провинциальные ресторанчики нашего черноморского побережья»* [Там же, с. 4]. Описание руин женского монастыря в окрестностях этого города с легкой руки Воронова приобрело романтизированные черты; это место, где время встречается с вечностью:

«Ныне от монастыря остались лишь руины, говорящие о бренности и преходимости всякого величия...» [Там же].

Монастырь у него – топос ветхой старины и локус страшной истории, навсегда запечатленной в памяти народа в виде легенд, сказаний:

«не один раз монастырь брался штурмом, и, напешившись над женщинами, пираты-флибустьеры сбрасывали их со скалы... в бушующую внизу пучину» [Там же].

¹¹ Особенно это заметно в завершении очерка: автор настойчиво говорит об инертности колумбийского правительства, расхищении национальных богатств страны, *«хищнической эксплуатации культуры»*, вредном влиянии Соединенных Штатов [Там же, с. 52]. Финал произведения контрастирует с основной частью. Можно думать, что «злободневная» концовка была усилена по просьбе редактора книги, из соображений цензурного плана.

Изображение бухты с высоты холма имеет панорамную перспективу, бухта показана как застывшая красота: острова *«с зеленеющими мангровыми зарослями»*, городок, *«уютно»* расположенный у подошвы горной гряды. Закономерен интерес автора к городским площадям, базарам – местам скопления, скученности, мешанины людских потоков. Автор стремится выделить яркую эмоциональную доминанту этих мест: стойкую радость, несмотря на всеобщую бедность и нищету. Колумбийские рынки у него – натюрморты с пестрым цветовым колоритом; в них *«груды диковинных плодов и овощей»*, *«разнообразная копченая и соленая рыба»*, *«кучи бананов»*, *«различные лекарственные травы»*, *«ароматные смолы»*, *«всеера из пальмовых листьев для раздувания углей»* [Там же, с. 6]. В этих «иллюстрациях» он делает акцент на цветовых, обонятельных, звуковых аспектах восприятия.

Дает Воронов подробную зарисовку гостиничных номеров в Колумбии. Им выделены строгий аскетизм, более того – убогость интерьеров: *«умывальник, платяной шкаф и письменный стол – вот вся обстановка»* [Там же, с. 5]. Среди деталей превалируют экзотические. Так, кровати в номерах имеют *«кисейные пологи от москитов»*, ванны заменены *«регардами»* – душ и уборная в одном месте (лаконична оценка потребителя – *«грязно и неудобно»*). Обязательное наличие вентиляции в номерах – без них *«можно задохнуться из-за жары»* [Там же]. Любопытна сцена утреннего пробуждения в номере, она субъективирована, так что создается эффект непосредственного присутствия читателя в авторском описании¹². Обед на пароходе включает *«суп, твердое, как подошва, мясо голодающих на барже коров, рис, яйца и блюдечко приторно сладкого варенья»* [Там же, с. 12]. В этих эпизодах нередко подспудно звучит та мысль, что даже плохо устроенная гостиница может быть оби-

¹² *«Рано утром, когда вы еще спите, прислуга стучит вам в дверь и вносит маленькую чашку горячего душистого черного кофе. Не открывая почти глаз, вы садитесь на постели, берете чашку и в полусне делаете первые глотки. Под их влиянием вы начинаете просыпаться и, проснувшись, чувствуете себя свежим и бодрым. Душ... освежает вас и начинает будить аппетит к завтраку... Начинается он душистым ананасом, сочной папайей (плод дынного дерева) или нежным бананом; затем следуют яйца..., и все завершается кофе с молоком, какао или чаем. После этого можно идти по делам, пока не наступит полуденный зной»* [Там же, с. 5]. В стилистике ощущаем «чеховский» лаконизм изобразительных средств, которыми передается состояние просыпающегося в ранний час человека.

телью счастья, условие этого – усталость человека после тяжелого трудового дня (лачуга «с земляным полом и бамбуковыми стенами» в глухой провинции – не что иное, как апартаменты для «богатырского сна на примитивных кроватях, состоящих из куска парусины на двух козлах» [Там же, с. 15]).

Много описаний посвящено индейцам. Этнографический дискурс¹³ перемежается у автора с субъективными замечаниями. Выразителен фрагмент, в котором затронута тема религиозных воззрений индейцев. Сведений об этом в полной мере, как хотелось, Воронову почерпнуть не удалось, и читатель будет смущен и растерян, узнав, что неудача была вызвана... неудобно-стью навязчиво задавать информантам бессчетное число вопросов¹⁴.

Встречаются в очерке Воронова исторические, культурологические, природоведческие экскурсы. Их язык лежит в плоскости научно-популярного объяснения. Они – знаки эрудиции автора, эмблемы его компетентности. И все же повторимся, что главенствующим принципом описаний является у Воронова не книжный рассказ, а рассказ, основанный на живом опыте. Повествуя о способах лечения болезней у колумбийцев, автор открывает их связь с религиозными представлениями. Но не ограничиваясь констатацией этого, Воронов ссылается на увиденное им на пароходе, когда один из жителей, пассажир с нарывом на ноге, обратился, заплатив «мелкую серебряную монету», за помощью к некоему мальчику, который принес жабу и в течение получаса тер ее об опухоль, а потом бросил земноводную тварь за борт. Таким способом была продемонстрирована характерная для первобытного магизма симпатическая связь между вещью и состоянием: жаба «забрала» болезнь, страдающий ею сразу исцелился.

Примеры можно умножать.

В заключение скажем о том, что «зарисовки» Воронова проникнуты любовью к Колумбии, симпатией к людям этой страны. «С некоторой грустью, – заключает Воронов, – навсегда, веро-

ятно, прощаюсь с Колумбией» [Там же, с. 52]. Это чувство проходит красной нитью через весь текст, превращая исследование экзотического мира в увлекательное, не лишенное художественных достоинств знакомство с необычным континентом. Строгость мудрого, опытного ума соседствует тут с авантюрной страстью, стихийным познавательным азартом, свойственным любому здоровому подростку – человеку в том его возрасте, который психологи классифицируют как время «нравственного эгоцентризма».

Список источников

1. Колаковский А. А., Воронов Ю. Н. Юрий Николаевич Воронов (1874–1931). М.: Наука, 1981. 96 с.
2. Кузичева А. П. Чехов. Жизнь «отдельного человека». М.: Молодая гвардия, 2024. 847 с.
3. Воронов Ю. Н. Полгода в Колумбии: впечатление участника советской экспедиции в Южную Америку в 1926 г. Л.: Изд-во П. П. Сойкина, 1929. 52 с.
4. Здание книгоиздательства П. П. Сойкина. Здание типографии А. И. Траншеля (двор). URL: <https://www.citywalls.ru/house4894.html> (дата обращения: 02.05.2025).
5. Адмиральный А. М., Белов С. В. Рыцарь книги: очерки жизни и деятельности П. П. Сойкина. Л.: Лениздат, 1970. 214 с.
6. Белов С. В., Толстяков А. П. Русские издатели конца XIX – начала XX века. Л.: Наука, 1976. 172 с.
7. Беляев А. Р. Человек-амфибия. Часть первая. «Морской дьявол». URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Человек-амфибия_\(Беляев\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Человек-амфибия_(Беляев)) (дата обращения: 08.05.2025).

References

1. Kolakovskiy, A. A., Voronov, Yu. N. (1981). *Yurii Nikolaevich Voronov (1874–1931)* [Yuri Nikolaevich Voronov (1874–1931)]. 96 p. Moscow, Nauka. (In Russian)
2. Kuzicheva, A. P. (2024). *Chekhov. Zhizn' "otdel'nogo cheloveka"* [Chekhov. The Life of an "Individual"]. 847 p. Moscow, Molodaya gvardiya. (In Russian)
3. Voronov, Yu. N. (1929). *Polgoda v Kolumbii: vpechatlenie uchastnika sovetskoi ekspeditsii v Yuzhnyuyu Ameriku v 1926 g.* [Six Months in Colombia: The Impressions of a Participant in the Soviet Expedition to South America in 1926]. 52 p. Leningrad, izd-vo P. P. Soikina. (In Russian)
4. *Zdanie knigoizdatel'stva P. P. Soikina. Zdanie tipografii A. I. Transhel'ya (dvor)* [The Building of P. P. Soykin's Book Publishing House. A. I. Tranchel's Printing House (Courtyard)]. URL: <https://www.citywalls.ru/house4894.html> (accessed: 02.05.2025). (In Russian)
5. Admiral'skii, A. M., Belov, S. V. (1970). *Rytsar' knigi: ocherki zhizni i deyatel'nosti P. P. Soikina* [The

¹³ Охота на диких зверей, бытовая, домашняя работа, выполняемая женщинами, антропология «американской расы» и т. п.

¹⁴ «О религии... не удалось узнать ничего: мои колумбийские спутники этим вопросом не интересовались, индейцы же на задаваемые вопросы отвечали молчанием – настаивать было неудобно» [Там же, с. 32]. Вежливый «белый человек», хранитель этикета в Воронове победил «специалиста-этнографа», который, казалось бы, должен пользоваться редко выпадающей возможностью общения с непосредственными носителями примитивной культуры.

Knight of the Book: Essays on the Life and Work of P. P. Soykin]. 214 p. Leningrad, Lenizdat. (In Russian)

6. Belov, S. V., Tolstyakov, A. P. (1976). *Russkie izdateli kontsa XIX – nachala XX veka* [Russian Publishers of the Late 19th– Early 20th Century]. 172 p. Leningrad, Nauka. (In Russian)

7. Bel'yaev, A. R. *Chelovek-amfibiya. Chast' pervaya. "Morskoi d'yavol"* [The Amphibian Man. Part One. "The Sea Devil"]. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Человек-амфибия_\(Беляев\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Человек-амфибия_(Беляев)) (accessed: 08.05.2025). (In Russian)

The article was submitted on 26.05.2025

Поступила в редакцию 26.05.2025

Бекметов Ринат Ферганович,
доктор филологических наук,
профессор кафедры русской литературы
и методики ее преподавания,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
bekmetov@list.ru

Bekmetov Rinat Ferganovich,
Doctor of Philology,
Professor in the Department of Russian
Literature and Methods of Teaching,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
bekmetov@list.ru